

Фенхелевая вода

Размеренный перестук подошв о каменные плитки вторил привычному ритму жизни, раздаваясь в каждом углу поместья. Эти звуки еще не складывались в единую симфонию — скорее каждый обитатель исполнял свою собственную, обособленную партию. Порой Хельзе ловила себя на мысли, что стоит лишь привыкнуть к местному укладу, как образы былого, оставшегося в мире живых, начинают тускнеть, стираясь под гнетом повседневных хлопот и суеты. И лишь в редкие мгновения полночного забытья, когда приходят сны, память позволяет себе краткую передышку, отдаваясь воспоминаниям... Хельзе бессознательно коснулась перстня на мизинце. Его отлили совсем недавно — специально для неё, Вирадуана и Гвидо. Это кольцо с узором скорпиона служило знаком их власти, символом тех, кто правит этими землями от имени Повелителя.

Дело было не в формальностях, а в удобстве, но даже теперь, когда время робости и трепета осталось позади, Хельзе нет-нет да и задумывалась: не слишком ли спотыкалась она на этом пути и не таят ли другие обиду за её былую неопытность? Погруженная в эти думы, она невольно замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась... Однако звук шагов за её спиной не прекратился.

Взгляду стороннего наблюдателя открылось бы странное зрелище: парящее в воздухе платье, подол которого достигал щиколоток невидимой девы, замерло прямо за спиной управляющей. Незримая Клафна протянула руку — обтянутую плотной черной перчаткой — и коснулась волос Хельзе, словно безмолвно вопрошая, почему та медлит.

Личность Клафны окутывала завеса тайны. Фарфадэ, очевидно, знал о ней больше прочих, но не спешил делиться правдой, а остальные благоразумно не докучали ему расспросами. В первый же день её появления ткачихи, снедаемые любопытством, окружили её, пытаясь нащупать границы невидимого тела.

— Её и впрямь можно коснуться... Но кожа на ощупь совсем не такая, как у нас.

— Ой, простите! Я вас не оцарапала?

— Если набросить на неё ткань, проступят очертания. А что, если попробовать раскрасить её красками, какими пользуются художники?

— У нас только чернила.

— Волосы у вас коротковаты... Вам их обрезали перед смертью?

— Дамы, если мне не изменяет память, я просила вас снять мерки с этой леди, а не распускать

руки. Я права? — голос Гитны, раздавшийся из-за спины, заставил всех вздрогнуть.

— П-простите, госпожа Гитна!

— Мы... мы уже всё измерили! Все записи в тетради!

— Прошу прощения, — произнесла Гитна, обращаясь к прозрачной деве, хотя её тон по-прежнему оставался холодным и бесстрастным. — Мои подопечные дурно воспитаны, не взыщите.

В ответ лишь слегка качнулись пустые рукава платья.

Позже женщины закончили работу. Мерная лента — сделанная по новому стандарту, введенному лордом — скользила по рукам Клафны, очерчивая невидимые изгибы тела. Не прошло и часа, как на эту фигуру, что была выше любого обычного мужчины, надели обувь, бельё и платье. Во время давешней суматохи кто-то заметил проколы в незримых ушах и, недолго думая, снял собственные серьги, чтобы украсить ими гостью. Так у головы Клафны появились «якоря», позволявшие определить её положение.

Хельзе обернулась и первым делом увидела покачивающуюся каменную подвеску в форме капли. Только затем она перевела взгляд выше, стараясь смотреть прямо туда, где должны были находиться глаза спутницы.

— Ничего особенного...

Вероятно, Фарфадэ назначил Клафну в помощницы именно Хельзе, и теперь невидимая дева молчаливой тенью следовала за ней повсюду, от замка до самой мельницы. Как бы ни изнывали окружающие от любопытства, управляющая обрывала любые расспросы короткой фразой: «Господин велел вам не совать нос не в своё дело».

Клафна не могла говорить и общалась исключительно с помощью записок. Хельзе всё еще с трудом осваивала грамоту и знала не так много слов, но первая фраза, которую незримая гостья написала для неё, гласила:

«Ваши глаза пахнут свежей травой».

Странное описание. Разве у глаз бывает запах? Впрочем, у Клафны подобных сравнений было в избытке. К примеру, глаза юного лорда она считала похожими на «перезрелые зерна граната». Хельзе никогда не пробовала этот священный плод и лишь смутно кивнула в ответ... Оказывается, семена граната — красные.

Серьга снова качнулась, точно в безмолвном вопросе. Хельзе кашлянула.

— Сегодня нам нужно заглянуть на кухню... Ох, от этой погоды совсем нет покоя.

Поначалу спасала чаша холодной колодезной воды, но стоило капризному туману сгуститься, как люди принялись искать спасения в настоях на морозной полыни. Затем в ход пошли напитки, что предлагал Гусь-монстр. Одной порции казалось мало, за ней следовала вторая, но стоило туману рассеяться, как накопленный внутри холод оборачивался ледяной судорогой, которая внезапно вспыхивала при первом же столкновении с теплом... Должно быть, обжившись в Преисподней, многие позабыли: призрачные тела тоже подвержены недугам, и излишнее рвение здесь — не лучший союзник.

Как раз в это время Фарфадэ не повезло оказаться на виду у подданных. Едва вышедший из своего затворничества Гвидо, заполучив смолу прекрасного ароматного дерева, тут же скрылся в лаборатории, оставив лорда одного у порога. Юноша на мгновение задумался. Решив, что в следующий раз он непременно отберет у алхимика ключи, Повелитель с тяжелым сердцем собрался было прогуляться, но столкнулся с толпой бедолаг. Переборщив с холодным питьем в эту переменчивую погоду, они теперь мучились от рвоты и озноба, и их пришлось на руках нести в замок.

За окном мир утопал в мутном, ядовито-зеленом мареве. Когда туман становился особенно густым, этот глубокий изумрудный цвет словно нашептывал дурные предзнаменования, принося боль и лишая надежды — настоящий прилив, порожденный испарениями. Фарфаноэрс откинул широкие рукава своего одеяния. Он думал о том, что даже после многократной обработки — если можно так выразиться применительно к продуктам — яд и злоба этого мира всё равно прорываются наружу, давая острастку вечно голодным и жадным обитателям.

— У них лихорадка... — он коснулся лба больного.

В этом мире, где у всех была низкая температура тела, жар у этих несчастных рос пугающе быстро. Лорд велел перенести их в лазарет.

— Я скоро буду.

— Подобное случалось и раньше, — задумчиво произнес Вирадуан. — Неужели опасность таится не только в сырой пище, но и в обработанной?..

— Если вкратце, дело в самоочищении, — ответил Фарфаноэрс. — Ансеринус подвергает продукты очистке, используя свойства приправ и специй, чтобы нейтрализовать естественные токсины. Одно уравнивает другое... Но специи здесь — главная защита.

— Кроме того... эти яды лишь подавлены, сведены к минимуму. Побочные эффекты неизбежны, но они больше не смертельны. Сама душа обладает способностью к очищению. Почему я называю это так? Призрачное тело поглощает пищу для поддержания сил, но оно не обременено плотью, которой нужно пищеварение. Поэтому я называю этот процесс очищением. Когда яда становится больше, чем тело способно вывести, болезнь проявляется внешне.

— И внешние факторы тоже могут стать спусковым крючком...

Он бросил на Виладуана многозначительный взгляд. Рыцарь нахмурился, а затем подобрал меткое сравнение: лорда явно беспокоило, что люди сначала объедаются, а потом запивают ледяной водой горячий суп.

Тем временем в замок принесли еще нескольких больных, и лицо Фарфадэ помрачнело.

— Пусть на этой неделе Ансеринус прекратит подавать свои диковинные напитки. Все переходят на травяные отвары, — распорядился Повелитель. Он не хотел прибегать к крайностям, но если люди не могут сдерживать себя сами, придется прибегнуть к внешним мерам. — Посмотрим, будет ли кого-то тошнить после этого.

Лечить недуг было можно, но лучше было его не допускать.

Именно поэтому Хельзе получила приказ проверить, как продвигается приготовление отваров у Гуся-монстра... то есть, лекарственного чая.

Увидев охапки растений, которые бросали в чаны, она невольно воскликнула:

— Фенхелевая вода?

— Верно, она самая, — рассмеялся Пауль, помешивая варево огромным черпаком. — Только этот фенхель немного отличается от того, что растет в мире живых... Какая-то его разновидность или мутация? Не силен я в ученых словечках! Добавим еще Скучный зелёный лист — по чашке в день, и жару снимет, и охоту к излишествам отобьет.

— Ты один варишь? Справишься? — спросила она. Хельзе начала догадываться, почему лорд прислал её именно сейчас... Неужели это работа не для Ансеринуса?

— Не беспокойтесь! Я здесь уже во всём наловчился, — Пауль улыбнулся, но, вспомнив о чем-то, добавил вполголоса: — Только... — он замялся. — В общем... вкус у этой штуки не ахти какой.

Хельзе из любопытства попросила чашку. Едва сделав глоток, она едва не выплюнула это ледяное и горькое пойло. Боги, что это?! Фенхелевая вода не может быть такой на вкус!

Вот почему варкой занимался Пауль, а не Ансеринус. Тот признавал только еду, к медицине же был совершенно равнодушен. Обучив помощника нехитрому рецепту, он умыл руки... то есть, крылья.

Странная фенхелевая вода быстро стала новым кошмаром замка. Часть обитателей отнеслась к

этому спокойно: их зубы жевали и более горькие листья, они ели грязь и глотали черную корку хлеба из отрубей. Но многим, привыкшим к недавнему изобилию, отвар давался с трудом. Тем не менее, облегчение наступало быстро.

Видимо, человеку суждено познать одну горечь, чтобы обрести иное успокоение. Говорили, что туман сводит с ума, и ради телесного здоровья приходится жертвовать радостью вкуса.

Недовольные всё же роптали: мол, будь эта вода хоть чуточку менее горькой, можно было бы и потерпеть.

— ...Настолько невкусно? — слухи дошли даже до Фарфадэ.

Он знал об этом средстве, но Ансеринус не раз предупреждал, что вкус у него отвратный и лучше предложить людям что-нибудь поприятнее. Кому захочется после целого дня трудов пить лекарство? Особенно если в нем есть Скучный зелёный лист... Это растение в сочетании с Фенхелем Преисподней не только не смягчало горечь, а, напротив, уничтожало любую сладость, которую пытались добавить. Эти два ингредиента в одном котле словно вступали в тайный сговор, не терпящий посторонних. Нелепо, но в этом мире — вполне логично.

Больных было слишком много... Лорду не жаль было лакомств, ему не хватало людей. Если все слягут, работа ляжет на плечи остальных, и толку будет мало.

— Желаете отведать?

— А, — он помедлил. — Пусть сначала попробует Адам.

Спустя три минуты вопли вора огласили коридоры:

— Да чем я вам так не угодил?! Это же чистое убийство!

— Следи за словами, ты и так давно мертв, — Фарфадэ покрутил в руках чашку с бледно-желтой, дымящейся жидкостью. Все, кто её пробовал, без исключения — даже сдержанный Вирадуан — надолго умолкали с таким видом, будто вся скорбь мира растворилась в этом настое.

Но он хотя бы не катался по полу, как Адам.

Фарфадэ сделал глоток. Горечь. Ничего, кроме всепоглощающей горечи, но терпеть было можно... Под изумленными взглядами он допил чашу до дна и вынес вердикт:

— И впрямь, не слишком вкусно.

— Вообще-то... вы могли и не допивать... — пробормотал Виладуан.

— Офигеть, вы что, демон?! — вырвалось у Адама. — Ой, точно. Вы же и есть демон.

<http://bllate.org/book/16116/1588374>